

Цифровизованный гуманизм**Г.Л. Тульчинский**Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-28-43

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Гуманитарная мысль еще не сталкивалась с такими вызовами, как в наши дни. Если биотехнологии намечают перспективы «постчеловеческой» персонологии, то цифровизация и роботизация практически всех сфер социальной практики выводят на первый план идею гомодицеи – оправдания необходимости существования человека. В статье анализируются четыре блока вызовов гуманитарному знанию: (1) достижения медицины, протезирования, трансплантологии и генной инженерии, наметившие отделение вменяемого субъекта от традиционной антропоморфности («постчеловеческая» персонология); (2) исследования нейрофизиологии мозга, выдвинувшие новые аргументы против свободы воли; (3) издержки непродуманной пропаганды прав человека; (4) цифровизация практически всех социально-культурных практик – от экономики и военного дела до образования и функционирования власти. Именно цифровизация пронизывает все эти «поля проблематизации», задавая их общую концептуальную и технологическую платформу. В этой связи встает вопрос о гуманитарной экспертизе современных технологий и реализуемых с их помощью проектов образования, коммуникации, управления. Речь идет об экспертизе не только последствий, процесса или даже возможности реализации таких проектов, но и самой их необходимости. Важны критерии и нацеленность такой экспертизы. Очевидно, что она не может быть направлена только на сохранение биологического вида *homo sapiens* и условий его выживания. В ситуации, когда ставятся под сомнение свобода и свобода воли, возникает парадоксальный выбор: что важнее – *homo* или *sapiens*? Настала пора четко различить понятия гуманизма и гуманитарности, включив в последнюю и постчеловеческую персонологию. Если гуманитарность – персонология свободного духа, то гуманизму, похоже, место рядом с экономизмом и национализмом – формами ограниченной гуманитарности. Этот широкий спектр проблем требует осмысления не только их содержания, но самой мето-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-511-00018.

дологии гуманитарных наук, их перспектив позиционирования в современном социуме.

Ключевые слова: гуманизм, гуманитарность, ответственность, свобода, цифровизация, цифровые технологии.

Тутьчинский Григорий Львович – Заслуженный деятель науки России, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета и Национального Исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербургский филиал.

gtul@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-5820-7333>

Цитирование: *Тутьчинский Г.Л.* (2018) Цифровизованный гуманизм // Философские науки. 2018. № 11. С. 28–43.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-28-43

Digitized Humanism*

G.L. Tulchinskii

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-28-43

Original research paper

Summary

The humanitarian thought did not encounter such challenges that we face today. Biotechnologies outline the perspectives of “posthuman” personology, while digitalization and robotization of almost all spheres of social practice bring to the fore the idea of homodicy – justifying the need for human existence. The article analyzes four blocks of challenges to humanitarian knowledge: (1) achievements in medicine, prosthetics, transplantology and genetic engineering, which outlined the separation of a sentient subject from traditional anthropomorphism (“posthuman” personology); (2) studies of the brain neurophysiology, which advanced new arguments against free will; (3) costs of ill-considered propaganda of human rights; (4) digitization of almost all socio-cultural practices – from economics and military affairs to the formation and functioning of authority. Digitalization permeates all these “problematization fields,” setting their common conceptual and technological platform. In this regard, the question arises of the humanitarian expertise of modern technologies and the projects of education, communi-

*The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research project no. 18-511-00018.

cation and management, which implemented with their help. That expertise deals with not only the consequences, progress or even the possibility of implementing such projects, but also with their necessity. The focus and criteria of such expertise are important. Obviously, it cannot be directed only at the preservation of the biological species of homo sapiens and the conditions of its survival. Paradoxical choice arises in a situation where freedom and free will are questioned: which is more important – homo or sapiens? It is time for a clear distinction between the concepts of humanism and humanitarianism, including in the latter the posthuman personology. If humanitarianism is a personology of free spirit, then humanism seems to have a place next to economism and nationalism as forms of confined humanitarianism. This wide range of problems requires comprehension not only of their content but also of the methodology of the humanities and of the prospects of the humanities in modern society.

Keywords: digitalization, digital technologies, freedom, humanism, humanities, responsibility.

Grigorii Tulchinskii – D.Sc. in Philosophy, Honored Scientist of Russia, Professor, Saint Petersburg State University; National Research University *Higher School of Economics* – Saint Petersburg branch.

gtul@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-5820-7333>

Citation: Tulchinskii G.L. (2018) Digitized Humanism. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 11, pp. 28–43.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-28-43

Введение

Ранее неоднократно, в том числе и на страницах «Философских наук», нам доводилось принимать участие в обсуждении перспектив гуманитарного знания, его востребованности и позиционирования в современном информационном обществе массового потребления. Действительно, экспансия естественных и точных наук, на первый взгляд, снижает значение и востребованность гуманитарных наук. Однако, как представляется, многое зависит от переосмысления самими гуманитариями своего места в науке, образовании, да и социальной жизни в целом.

Налицо сложившаяся противоречивость современной социально-культурной ситуации. С одной стороны – нарастающая тенденция акцентуации социального опыта на роли личности как источника, средства и результата реализации этого опыта. Этот сдвиг фокусировки внимания от представлений о сущем к спо-

собам познания, а затем – к ценностно-нормативным установкам, определяющим эти способы, и наконец – к носителю этих установок, социализированной личности, прослеживается в науке и искусстве, технологических разработках и философии. С другой стороны, накапливалась и постепенно накопилась критическая масса нового опыта, в котором достижения научно-технического прогресса, динамика реального рынка труда, практики образования становятся все более остро воспринимаемым вызовом не только гуманитарному знанию и профессиональной, даже жизненной компетентности, но просто экзистенциальным вызовом человеку, как существу, наделенному разумом, плоды которого оборачиваются против их создателя.

Вызовы эти, несмотря на то, что проявлялись они в разных сферах общественной жизни и были связаны с различными практиками, объединяет именно проблематизация гуманитарности, резко меняющая смысловую картину мира.

Обозначим четыре блока таких проблем – в порядке их вхождения в пространство публичного обсуждения: (1) достижения медицины, протезирования, трансплантологии и генной инженерии, наметившие отделение вменяемого субъекта от традиционной антропоморфности («постчеловеческая» персонология); (2) исследования нейрофизиологии мозга, выдвинувшие новые аргументы против свободы воли; (3) издержки непродуманной пропаганды прав человека; (4) цифровизация практически всех социально-культурных практик – от экономики и военного дела до образования и функционирования власти. Именно цифровизация пронизывает все эти «поля проблематизации», задавая их общую концептуальную и технологическую платформу.

Неантропоморфная (постчеловеческая) персонология

Пластические операции, трансплантации органов, протезирование предоставили человеку широчайшие возможности: тело из «темницы души» на глазах превратилось в аналог одежды. Его можно не только украшать, но и совершенствовать, менять – вплоть до смены пола. Не все общества эту практику одобряют, фактически лишая личность свободы гендерного самоопределения. А программирование рождения детей с определенными генетическими характеристиками создает предпосылки закрепления разрывов в социальном статусе уже на генетическом уровне.

Зачатие *in vitro* с использованием банков яйцеклеток и спермы, клонирование, другие возможности генной инженерии порождают все большую неоднозначность традиционных правовых, этических и религиозных представлений. Так, с христианской точки зрения в практике клонирования человек претендует на роль Творца. Человеком ли будет клон? Если так, то кто будет считаться его родителями? А если нет, то будет ли преступлением его убийство? Будет ли клонированный человек иметь статус человека? Поэтому, вслед за осуждением клонирования человека большинством религиозных конфессий, Парламентская Ассамблея Совета Европы запретила практику создания человеческой особи, идентичной другой – живой или мертвой. Но, например, в рамках индуистских (как и буддистских) представлений, такие запреты оснований не имеют.

Не менее острые дискуссии вызвала практика выращивания органов и живых тканей из стволовых клеток, полученных из специально выращенных эмбрионов. Римско-католическая церковь объявила морально неприемлемыми любые манипуляции с живыми человеческими эмбрионами. Правительство США отказалось от финансовой поддержки таких исследований. Главный аргумент этих запретов чисто этико-персоналогический – оценка таких практик как бесчеловечного обращения с людьми, вплоть до убийства. Но являются ли используемые эмбрионы личностями, распространяются ли на них этические и правовые нормы? И если в запрете доразвивать до рождения клонированные эмбрионы они объявляются тождественными человеку-донору, то почему в использовании в качестве биоматериала они приобретают самоценную индивидуальность? Морально-правовая персонификация сталкивается здесь с противоречием. Не говоря уже об отправляемых на помойку ежегодно сотнях тысячах живых человеческих эмбрионов, являющихся материалом для лечения некоторых форм бесплодия. Это «отходы», или «биоматериал» для спасения других жизней или жертвы бесчеловечных технологий?

На этом фоне в политическую проблему превратился аборт – практика, еще в середине XX в. рассматривавшаяся как проявление свободного волеизъявления потенциальной матери, как тест либералистско-феминистской морали. Теперь морально-правовая квалификация прерывания беременности оказалась связанной с вопросом, на какой стадии (недель или даже дней) развития плода он может считаться человеческим индивидом, что раскололо

лагерь либералов: одни продолжают отдавать преимущество праву женщины на самоопределение, другие отдают приоритет защите права эмбрионов на жизнь. А радикалы покушаются на жизнь врачей, практикующих аборт.

Не менее острые проблемы породили и достижения фармакологии. Общедоступны препараты, позволяющие корректировать поведение. Тем самым излишне бойкому школьнику можно просто дать лекарство. Родители, педагоги, да и он сам освобождаются от ответственности, заботы о воспитании самодисциплины. Место педагогического таланта, заботы и внимания, работы ума и души занимают визит к врачу и оплата рецепта риталина.

Существо проблем в приведенных выше примерах не просто этическое – речь идет о вменяемом субъекте морали и права, идентификация которого в европейской традиции совпадает с проявлениями свободы воли, самосознания. Эти проявления связываются с личностью, а границы свободы и ответственности – с границами кожно-волосного покрова человеческого индивида. Но сегодня – где и когда личность? Психологи, даже педагоги и уже юристы, сходятся в признании пренатальной (внутриутробной) стадии развития личности. Поневоле вспоминается ленинская соратница О. Лепешинская, ставшая в советское время известным биологом и занимавшаяся воспитанием зиготы. Шутки шутками, но складывается впечатление, что еще немного и можно будет говорить о презиготной стадии развития личности, от чего уже рукой подать до представлений о карме.

Границы свободы и ответственности утрачивают ясность и четкость, которую они приобрели в Новое и Новейшее время. Вменяемое «Я» становится некоей «точкой сборки» свободы и самосознания (почти буквально – воплощенным «трансцендентальным субъектом» Э. Гуссерля). И тут его подстерегают другие вызовы.

Каузальность против самосознания

Экспансия science на сферу humanities продолжилась в наши дни на материале изучения мозга, искусственного интеллекта, которое дало новые аргументы для отрицания свободы и свободы воли или, как минимум, их производности. Как показывает уже целый корпус исследований, данные электрохимической активности мозга позволяют предсказывать произвольные действия человека до того, как он сам осознает свое намерение

это действие совершить [Libet 1985; Haggard 2008; Trevena, Miller 2009; Wegner 2002]. Этот зазор между нейрохимической активацией и осознанием мотива открывает возможность внешнего воздействия, неосознаваемой личностью манипуляции ее поведением: электрическая стимуляция премоторной области коры головного мозга вызывает у человека осознанное намерение к совершению определенного действия и даже его осуществление.

Тем самым традиционная философская проблема о соотношении каузальности и свободы воли предстает в модифицированной формулировке Б. Спинозы, считавшего, что человеческие существа, в силу каузальной детерминированности сущего, лишены свободы воли, необходимой для моральной ответственности [Спиноза 2012]. Если до XVIII столетия споры о свободе и свободе воли были связаны с теодицеей – как и зачем Всесильный, Всезнающий и Всемогущий допускает свободу выбора, то в позапрошлом веке этот вопрос переместился в контекст причинно-следственных отношений и связей явлений. Действительно, свободны ли мы, если все предопределено, не важно – Божественной волей или природной каузальностью? И какая может быть в этом случае ответственность за поступки?

Жесткий детерминизм редуцирует обращение с людьми к обращению с прочими объектами живой и неживой природы. А если все происходящее – следствие каузальности, то нет никаких оснований для некоей самосознающей «самости», а значит – для права, морали, воспитания, в основе которых, как уже говорилось, лежит «презумпция» ответственности за свободные решения. Поэтому или «об этом лучше никому не рассказывать, иначе обществу конец» [Smilansky 2000], или требуется пересмотреть право и мораль в направлении их более гуманного отношения к девиациям, ошибкам и промахам [Pereboom 2001], что тоже буквально в духе Спинозистской максимы: не плакать и не смеяться, но понимать.

Парадокс ситуации состоит в том, что свобода – главная идея и ценность либерализма, мировоззрения, связанного с развитием науки и позитивизма, – оспаривается именно позитивистски ориентированной наукой. По крайней мере, можно согласиться, что либертарианству, восходящему к дуализму Р. Декарта и юмовским ограничениям познания причинности, все труднее найти «домик для души и свободы» [Мишура 2016, 53–54].

Права человека: перспектива институционального склероза

За последние три года открылся еще один портал вызова свободе – и опять-таки в традиционном концептуальном и правовом поле, считавшемся вотчиной либерализма. А наиболее ярко этот вызов проявился в центре производства смысловой картины мира постиндустриального общества массового потребления – в Голливуде. Речь идет о лавине обвинений в харассменте, иногда с давностью в несколько десятилетий. Разумеется, это безобразии практиковалось и практикуется не только на «фабрике грез» – существование этого «социального лифта» в театре, офис-менеджменте хорошо известно. Думается, что нынешний всплеск обвинений, признаний, судебных исков обусловлен не только и даже не столько торжеством идей феминизма.

В семье знакомых, ожидавшей второго ребенка, восьмилетний первенец заявил своим родителям, что рождение второго ребенка нарушит его права, и пояснил, что поскольку родители с ним не советовались, постольку это их личный проект, и чтобы они не рассчитывали на его помощь. Многих в свое время заставило вздрогнуть обращение ожидающих ребенка слепых супругов к врачам с настоятельной просьбой обеспечить слепоту их будущего ребенка, чтобы гарантировать их и его право на сохранение и продолжение культуры, о которой зрячие не имеют представления.

Эти вроде бы совершенно разные случаи объединяет обида, ресентимент по поводу ущемления прав. Борьба за права человека, провозглашенные в великом документе – Декларации прав человека, – грандиозный цивилизационный процесс. Создание института уполномоченных по правам человека (омбудсменов) – одно из достижений на этом пути. В России практически в каждом регионе созданы офисы омбудсменов. Более того, созданы институты уполномоченных по правам детей, уполномоченных по правам малого и среднего бизнеса, уполномоченных по правам студентов. Активно обсуждается создание института по защите прав животных. И похоже, круг таких уполномоченных имеет тенденцию к расширению. Зато любой чинуша может послать пострадавшего к... уполномоченному по соответствующим правам. Короче говоря, на глазах полезное дело превращается в нечто странное и не очень понятное – а зачем тогда государство, общественные организации?

Плохо продуманная пропаганда прав человека, похоже, оборачивается не только «институциональным склерозом» [Olson 1971], но и очевидным дисбалансом прав и ответственности.

И вот тут мы подходим к самому главному – общему знаменателю и основанию обозначенных вызовов.

Цифровизация коммуникации: «лайкать и банить»

Упомянутый выше «институциональный склероз» закрепляется в современных практиках коммуникации. Возрастающие обилие и скорость трансляции информации, ситуация открытого доступа и постоянной включенности в коммуникацию превышают человеческие возможности, вынуждают фильтровать информацию, упрощать ее, доверяя верификацию неким лидерам мнений. В социальных сетях формируются сообщества, участники которых ставят друг другу «лайки», отторгая всякое другое мнение. Люди привыкают «лайкать и банить». У них нет ни времени, ни уже и навыков слушать и читать другую точку зрения, а также аргументированно обосновывать и отстаивать свою. Складывающаяся практика «лайкать и банить» отучает от «длинных мыслей», от обсуждения, диалога, даже просто допущения иных точек зрения. Это видно и по ТВ, где аналитика давно уже признана «неформатной», а «ток»-шоу сводятся к выкрикиванию своей позиции и оскорблениям, агрессивной ругани в адрес оппонентов.

Американская профессура жалуется, что студенты в университетах не хотят слушать преподавателей с какой-то позицией, которая студентам не нравится. Если они на занятиях слышат другое мнение, они предпринимают усилия по отстранению этого преподавателя. И это при том, что университеты традиционно считались вотчиной либерализма, а навыки диалога и публичного обсуждения, аргументации – основой обучения и школой либеральной демократии.

«Лайкать и банить» не единомыслие. Это – единомыслие. Никаких обсуждений. Только лозунг и прямое действие. Никаких нарративов – торжество перформативности. Не обсуждение, а осуждение (или одобрение). До боли в сердце знакомая практика социальной коммуникации.

Но если в тоталитарных обществах практика «лозунга и прямого действия» подкреплялась и дополнялась прямым насилием и запугиванием, то теперь агрессии и насилию off line предшествует упрощение и агрессия on line. Более того, как показывают исследования мозговой активности, при работе с экранами, даже с клавиатурой, активируются только зрительные центры. Префронтальные зоны лобных долей мозга практически не активируются,

а именно они отвечают за память (=сознание), речь, аргументацию. Практика «лайкать и банить», реализуемая нажатием опций, не требует наррации, без которой память не формируется и не реализуется. Ее место занимает «ага-узнавание» в сочетании с эмоцией «наш – не наш», «опасно – не опасно». Человек как носитель сознания, в отличие от животного, просто сканирующего реальность и являющегося ее частью, обладает способностью «заглядывать за экран», а также опытом объяснения имманентного с помощью трансцендентного (мифов, теоретических конструктов и т.п.), но сейчас он все более и более удовлетворяется сканированием готовых образов. Возникает отчетливая перспектива «новой животности», о которой по другому поводу писал Дж. Агамбен. Не случайно падает статистика выдачи патентов в США, как и статистика IQ.

Цифровизация и проблема гуманитарной экспертизы

Цифровизация – суть разработки и применения технологий, использующих идеи дискретности, вычислимости, программируемости, алгоритмичности. В ней выражается сущность современной цивилизации, цифровизация пронизывает ее во всех проявлениях: в компьютерах и коммуникации, образовании и биотехнологиях, нанотехнологии и астрофизике, экспертных системах и интернете вещей (IoT), беспилотных автомобилях и «умных городах».

Разработка и реализация таких систем радикально меняют весь образ жизни: экономику, занятость, коммуникации, образование, практики общения, чтения, письма, личную жизнь. Интеграция цифровых технологий с упоминавшимися выше биотехнологиями, нейропсихологией, медициной, коммуникацией усиливает в разы вызовы привычным представлениям о занятости, досуге, авторском праве, интеллектуальной собственности. Криптовалюты и блокчейн у нас на глазах изменили финансовую систему. Роботизация в сочетании с информационно-коммуникативными технологиями освобождает миллионы рабочих мест. Блокчейн претендует на замену экспертизы, нотариата, а то и правоприменения. Под вопросом традиционные форматы образования. Применение дополненной реальности в формате 3.0 раскрыло новые возможности в науке, искусстве, туризме. Социальные сети дали невиданные ранее возможности самовыражения и социального позиционирования.

Все это, с одной стороны, делает жизнь все более комфортной. Современное «сетевое информационное постиндустриальное общество массового потребления» буквально воплощает великий проект гуманизма Просвещения с его лозунгами «Все во имя человека!», «Все на благо человека!», «Человек есть мера всех вещей!». И мы знаем этого человека – это каждый из нас. Технологически может быть удовлетворена и даже стимулирована любая потребность. Сегментация некоторых рынков достигает индивида: тюнинг автомобиля, архитектура программного обеспечения, фэшн – все предельно индивидуализируется.

С другой стороны, нарастают разделенность, манипулирование, новые неравенства, недоверие, контроль, тревожность, страхи, нетерпимость, а то и агрессия, чреватые напряжением и конфликтностью. Обилие информации оборачивается ее фильтрацией, прозрачность – нежелательной доступностью.

Усугубляют ситуацию маркетинговые практики *nudge* (подталкивания) с использованием больших данных (*big data*) и IoT, когда маркетинговые программы оказываются знающими нас лучше, чем мы сами. Разумеется, эти технологии основываются на объективистской «фундаментальной ошибке атрибуции» (отождествлении мотивации и реальных действий): факт, что я зашел в магазин сантехники, не означает, что мне постоянно нужна сантехника. Но накопление больших данных о каждом из нас снижает вероятность ошибки.

Многие и неоднократно обращали внимание на то, что современное общество утратило образ будущего – даже место научной фантастики заняло фэнтези с его средневековой стилистикой. В искусстве царит маньеризм с фрактализацией прошлого: сериальность, сиквелы, приквелы, пародии... Похоже, это общество боится будущего – хотя бы потому, что боится потерять настоящее. Примером может служить разгорающаяся дискуссия о вхождении человечества в формат сингулярности, постчеловечности и т.п.

Акцент в трактовке знаменитого вопроса, выраженного Раскольниковым в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского, – «Тварь ли я дрожащая или право имею?» – сместился с претензии «право иметь» (в том числе – на насилие, вплоть до убийства) на «тварь дрожащую», безвольно претерпевающую зависимость. Может ли человек «поступить иначе», «жить по своей глупой

воле)? Вопрос этот приобрел неожиданную практическую актуальность в перспективе роботизации и развития интернета вещей, порождающих массовое сокращение занятости и перспективу «безусловного базового дохода».

Аларм, тревожные и даже панические настроения, хорроризация широко представлены в медиа, социальных сетях, звучат на научных конференциях. Политика все больше сводится к обеспечению безопасности – не только военной, антитеррористической, но и информационной, сырьевой, медицинской и т.п. Гиперпедалирование темы безопасности (не только «пакет Яровой» и не только в России) дает исключительные возможности для контроля, к которому сводится реализация справедливости. В своих последних публикациях, опираясь на свежие данные World Value Survey, Р. Инглхарт пишет [Инглхарт 2018, 334] о развороте тренда человеческого развития в «развитых странах»: от вектора к свободе на вектор к безопасности с соответствующей динамикой нормотворчества.

Такой гуманизм в конечном счете ничем не лучше техницизма. Обе версии на практике оборачиваются воплощением в жизнь сюжетов тоталитарных антиутопий в духе оруэлловского Большого Брата или «Шоу Трумана». Это – во-первых. А во-вторых, такой объективизм и радикальная каузальность смыкаются с практиками в духе New Age, направленными на «расширение сознания», отказа от самости, «цепляния» за идентичность. Крайний объективизм и крайний субъективизм трактовок самосознания «от третьего лица» и «от первого лица» – сходятся. Путь к счастью в обоих случаях – полная деперсонализация, элиминации субъекта самосознания и ответственности.

В этой связи неоднократно поднимался и поднимается вопрос о гуманитарной экспертизе современных технологий и реализуемых с их помощью проектов образования, коммуникации, управления. Причем экспертизе не только последствий или также хода, или даже возможности реализации таких проектов, но и самой их необходимости. Важность экспертизы понятна, но каковы ее критерии? В ситуации, когда ставятся под сомнение свобода и свобода воли, – на что может быть направлена гуманитарная экспертиза? Неужели только на сохранение биологического вида *homo sapiens* и условий его выживания? Номо нужны ограничения и гарантии от *sapiens*? «Галапагосы» К. Воннегута – пророческий текст?

Шаг вперед – два шага назад: первичность ответственности, или свобода как эпифеномен культуры

Думается, «домик» для души и свободы все-таки сохраняется. Разумеется, все ментальные процессы и состояния, конечно же, реализуются в мозговом субстрате. По состоянию современных данных мотивы представимы в виде нейронных сетей, формирование которых детерминировано опытом, включением в социальные практики. Повторение опыта закрепляет сети, организуя память, чему способствует и формирование миелиновой оболочки нервных волокон. И тогда свобода воли оказывается связанной с социализацией личности. Дело не в свободе воли, а в факторах формирования ее носителя и актора. И это уже общеизвестный эмпирический факт: сознание («чувствилище свободы») обретается только в обществе, в результате коммуникации – «загрузки», «инсталляции», «вращивания» [Выготский 1999] программ социально-культурного опыта.

Воспитание и образование, поощрение и наказание, связанные с ними запреты, убеждения, принуждения, подражания – вся система социализации – вырывает нас из причинно-следственных связей, перекручивая и замыкая их, как в ленте Мебиуса, на нас самих, превращая нас в *causa sui*. Это не чашка упала и разбилась – это ты сделал. Мог уронить, мог не уронить – уронил. Ты. И это принципиально важно: «другие» грузят нас ответственностью, вменяя вменяемость. Свобода – результат вменения ответственности.

Изначальная связь свободы и ответственности хорошо известна, их границы совпадают, как две стороны одного листа бумаги: там, где человек свободен, за то он и ответствен, и наоборот – ответствен он только там и за то, относительно чего он свободен. Но, если бы был возможен спор Н.А. Бердяева, утверждавшего первичность свободы, и М.М. Бахтина, утверждавшего первичность ответственности, прав М.М. Бахтин [Бахтин 1986]. Свобода – в любой ипостаси – как «от первого лица» (в личностно-персонологической феноменологии), так и «от третьего лица» (в нормативно-ценностной социальности), является эпифеноменом культуры, как условия и механизма социо- и персоно-генеза [Тульчинский 2006]. Однако этот эпифеномен, будучи закрепленным в памяти, отличает человека от животного, давая возможность выйти в другое измерение, трансцендировать в иное, наделяя способностью действовать «вопреки» миру. Свобода не столько познанная необходимость (как вслед за Б. Спинозой утверждал Ф. Энгельс), сколько осознанная возможность.

Осваивая социально-культурный опыт, человек становится способным, подобно хоббиту Бильбо Бэггинсу из фэнтези Д. Толкиена, совершить путешествие «туда и обратно». Туда – из мира сущего в трансцендентный мир сверхреального возможного. И обратно – из мира возможного в мир сущего.

Сознание, разум вторичны по отношению к ответственности, выражая меру ее осознания. А значит – и меру свободы – одного из проявлений сознания, открываемого только в нем и с его помощью. Чем в большей степени личность интеллектуально развита, чем шире горизонт ее знаний, тем в большей степени она осознает возможные последствия своих действий и поступков. Но «исходная ответственность» есть не следствие свободного выбора [Кейн 2016, 109], а предопределяет его. При этом важна мысль о личности как «незавершенном персонаже», развивающемся в прохождении жизненных ситуаций, развилок выбора [Кейн 2016, 125]. Если научное знание выражается в нарративах, то причинный детерминизм science и свобода воли humanities – нарративы разных уровней [Тульчинский 2017].

Тогда получается, что, делая «шаг вперед – два шага назад», уступая экспансии science, гуманитарность сохраняет «домик» души и свободы. Это именно человеческое измерение бытия. А детерминизм не исключает возможности свободного решения. Более того, знание причин явлений открывает возможности конструктивной деятельности, выбора способа действия, принятия решения, наконец – творчества. Детерминизм, знание каузальности просто необходимы – как для простой ориентации, так и для реализации замыслов.

Вместо заключения: несколько промежуточных выводов

(1) Главная особенность современной ситуации не просто в необходимости выработки нового концептуального аппарата, расширения терминологических, языковых средств его выражения, а в потребности определить суть гуманитарности – что есть человек? Где и когда он человек? Фактически, мы имеем дело с проблемой гомодицеи – оправдания бытия человека перед лицом радикальных вызовов, ставящих под сомнение необходимость его существования. С таким вызовом гуманитарная мысль еще не сталкивалась.

(2) Настала пора четко различить понятия гуманизма и гуманитарности, включив в последнюю и постчеловеческую персоно-

логию. Если гуманитарность – персонология свободного духа, то гуманизму, похоже, место рядом с экономизмом и национализмом – формами ограниченной гуманитарности.

(3) «Уступка» позитивистскому детерминизму (упомянутые «шаг вперед – два шага назад») не только позволяет глубже понять природу гуманитарности (первичность ответственности и эпифеноменальность свободы), но и открывает возможности ясной и понятной междисциплинарности, позволяет операционализировать концепты свободы и ответственности, открывая новую степень вменяемости гуманитарного знания и, одновременно, сферу его востребованности.

(4) Способы познания не сводятся к методологии естественных и точных наук. Во-первых, социальные, политические, исторические исследования чреваты элиминацией собственно акторов, наделенных сознанием и мотивацией, а значит – волей. Во-вторых, сами естествознание и точные науки зависят от конструктивной концептуальной активности познающего субъекта. И вообще, не только личная жизнь каждого из нас, но и политика, и наука, да и вся история в целом – по самой своей сути, не что иное, как равнодействующая воля.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бахтин 1986 – *Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. – М.: Наука, 1986. С. 80–160.

Выготский 1999 – *Выготский Л.С.* Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999.

Инглхарт 2018 – *Инглхарт Р.* Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. – М.: Мысль, 2018.

Кейн 2016 – *Кейн Р.* Поступать «по своей собственной воле»: современные размышления о древней философской проблеме // Логос. 2016. Т. 26. № 5. С. 103–130.

Мишура 2016 – *Мишура А.* Поле битвы: свобода воли // Логос. 2016. Т. 26. № 5. С. 19–58.

Спиноза 2012 – *Спиноза Б.* Этика. – М.: Азбука-Аттикус, 2012.

Тульчинский 2006 – *Тульчинский Г.Л.* О природе свободы // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 19–28.

Тульчинский 2017 – *Тульчинский Г.Л.* Объяснение в политической науке: конструктивизм vs позитивизм // Публичная политика. 2017. № 1. С. 76–98.

Haggard 2008 – *Haggard P.* Human Volition: Towards a neuroscience of will // Nature Reviews Neuroscience. 2008. Vol. 9. No. 12. P. 934–946.

Libet 1985 – *Libet B.* Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action // *Behavioral and Brain Sciences*. 1985. Vol. 8. No. 4. P. 529–566.

Olson 1971 – *Olson M. Jr.* The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Harvard University Press.

Pereboom 2001 – *Pereboom D.* Living Without Free Will. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Smilansky 2000 – *Smilansky S.* Free Will and Illusion. – Oxford: Oxford University Press, 2000.

Trevena, Miller 2009 – *Trevena J., Miller J.* Brain preparation before a voluntary action: Evidence against unconscious movement initiation // *Consciousness and Cognition*. 2009. Vol. 19. No.1. P. 447–456;

Wegner 2002 – *Wegner D.* The Illusion of Conscious Will. – Cambridge, MA: MIT Press, 2002.

REFERENCES

Bakhtin M.M. (1986) On the Philosophy of the Act. In: *Philosophy and Sociology of Science and Technology. Yearbook. 1984–1985* (pp. 80–160). Moscow: Nauka (in Russian).

Haggard P. (2008) Human Volition: Towards a Neuroscience of Will. *Nature Reviews Neuroscience*. Vol. 9, no. 12, pp. 934–946.

Inglehart R.F. (2018) *Cultural Evolution*. Moscow: Mysl (in Russian).

Kane R. (2016) Postupat' "po sobstvennoj vole": sovremennye razmyshlenija o drevnej filosofskoj problem [Acting "on One's Own Will": Modern Reflections on an Ancient Philosophical Problem]. *Logos*. Vol. 26, no. 5, pp. 105–130 (in Russian)

Libet B. (1985) Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action. *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 8, no. 4, pp. 529–566.

Mishura A. (2016) Pole bitvy: svoboda voli [Battlefield: Free Will]. *Logos*. Vol. 26, no. 5, pp. 53–54 (in Russian)

Olson M. Jr. (1971) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Pereboom D. (2001) *Living Without Free Will*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Smilansky S. (2000) *Free Will and Illusion*. Oxford: Oxford University Press.

Spinoza B. (2012) *Ethics*. Moscow: Azbuka-Attikus (in Russian)

Trevena J. & Miller J. (2009) Brain Preparation before a Voluntary Action: Evidence against Unconscious Movement Initiation. *Consciousness and Cognition*. Vol. 19, no.1, pp. 447–456.

Tulchinskii G.L. (2006) O prirode svobody [On the Nature of Freedom]. *Voprosy filosofii*. 2006. No. 4, pp. 19–28 (in Russian).

Tulchinskii G. (2017) Objasnenie v politicheskoj nauke: konstruktivizm vs. pozitivizm [Explanation in the Political Science: Constructivism vs. Positivism]. *Publichnaja politika*. 2017. No. 1, pp. 76–98.

Vygotsky L.S. (1999) *Thought and Speech*. Moscow: Labirint (in Russian)

Wegner D. (2002) *The Illusion of Conscious Will*. Cambridge, MA: MIT Press.